

Искусство как особая территория.

Темой разговора стали невидимые пружины «скандалов», то и дело возникающих вокруг искусства, эстетические, этические и политические границы современного искусства, а также общественная реакция на «запретные» темы. Поводом послужило закрытие фотовыставки Джона Стерджеса «Без смущения», проходившей в Москве, – это не первый и, вероятно, не последний подобный случай. Выставка была заблокирована активистами общественной организации «Офицеры России», которые обвинили автора в пропаганде педофилии.

Всегда возникают предположения, что такие скандалы используются для пиара, или с целью отвлечь внимание общества от более важных проблем. Так, история с выставкой Стерджеса совпала с моментом, когда могли бы более активно обсуждаться результаты думских выборов или итоги расследования по сбитому над Украиной «Боингу». Кто-то считает, что вся эта история выгодна лишь фотографу и галерее, и разыграна ими в целях саморекламы. Важнее, однако, разобраться в более общих причинах происходящего.

От суждений к пониманию. Общие рассуждения о сексуальной морали или определениях искусства и «не искусства», об эротике и порнографии, мало что дают в плане понимания казуса с выставкой Стерджеса и реакцией на него. Более продуктивной показалась попытка ответить на следующие вопросы:

Что заставляет множество людей ввязываться в подобные дискуссии, чего они при этом добиваются?

Рассматриваем ли мы искусство как некую особую область человеческой деятельности, особую территорию, где не действуют обычные правила, например, при демонстрации обнаженного тела?

Почему предметом споров становится именно этический аспект искусства, как и для чего эта тема используется, как происходит ее политизация, кому это выгодно, и к чему может

привести?

Двойственность позиций. В популистских дискуссиях об искусстве и морали моментально заявляют о себе два лагеря с довольно предсказуемыми взглядами – даже забавно, что почти все основные аргументы заранее известны. При этом, в позиции каждой из сторон видна некоторая непоследовательность.

Так, вероятно, далеко не все сторонники условно либеральной позиции, отстаивающие право художника на самовыражение, готовы были бы видеть себя или своих детей в качестве моделей Стерджеса. Они могут иметь на то массу личных причин – даже люди, поддерживающие смелое искусство, имеют полное право не стремиться стать его объектом.

С другой стороны, мы видим условно консервативный лагерь, который говорит, что нарушены какие-то нормы морали, и всё, что их нарушает, надо запрещать и закрывать. При этом есть подозрение (его подкрепляют их собственные высказывания по разным поводам), что в реальной жизни эти люди спокойно взирают на очень неприятными вещи – моральное (и не только) насилие, пренебрежение к женщинам, жесткость к детям, всевозможные злоупотребления властью и т.п.

Внутренняя логика при видимых противоречиях. На мой взгляд, за двойственностью каждой из позиций скрывается своя логика. Либеральный взгляд заключается в том, что в искусстве позволено даже то, что, возможно, не всегда приемлемо в реальной жизни, у художника есть право на эксперименты, так как он действует осознанно и обращается к сознательной аудитории в публичном пространстве. Свою роль играет опосредованность, условность искусства. В частной жизни я тоже могу делать, что хочу, но могу также ничего особо эксцентричного не хотеть и не делать. Это позиция личной свободы, свободы выбора.

Для охранителей, наоборот, именно в искусстве, как раз в силу его публичности, его роли в репрезентации ценностей общества недопустимы определенные вещи, хотя в жизни им находятся всевозможные оправдания, с ними мирятся, подчиняясь авторитету

и силе. Это позиция непререкаемости власти.

Возвращаясь к вопросу, является ли искусство особой (особо важной) «территорией», можно сказать, что обе стороны с очевидностью воспринимают его именно так.

При всех различиях, можно заметить определенное сходство целей либералов и «блюстителей» – с двух разных, противоположных сторон и те, и другие пытаются диктовать повестку дня. Мало кто видел конкретную выставку. Вообще, мало кого непосредственно затрагивают отдельные события. Но стороны используют их как предлог и стремятся всех вокруг в чем-то убедить.

Искусство – повод, но споры о нем указывают на цели сторон.

Искусство и нравственность – темы, к которым общество сохраняет чувствительность, поэтому они легко политизируются и, как правило, вызывают широкий резонанс. Подразумевается, что всех это касается, всех волнует. И тут появляется возможность выстроить свою политическую роль: мол, я не себя защищаю, а чьи-то права, или не о себе забочусь, а о чьей-то еще нравственности. Это посягательство именно политическое – на право определять для множества людей, большинство из которых даже не участвует в дискуссии, нормы жизни.

Здесь действует основополагающий инстинкт власти, предельное ее выражение: стремление контролировать взгляды, убеждения, частную жизнь и, в некотором смысле, даже тела граждан.

То, что средством достижения этой цели видятся в основном запреты, – от недостатка общей культуры и воображения.

Можно вспомнить Мишеля Фуко: «ускользнуть от власти невозможно... она всегда уже тут и... она-то и конституирует то самое, что ей пытаются противопоставить». То есть, власть как инструмент подавления не приходит после, по вызову. Напротив, это она изначально создает систему запретов, и только затем какие-то действия и процессы начинают рассматриваться как подрывающие предписанный порядок. Подавление тех, кто пытается преодолеть эти запреты, – уже вторичное проявление власти.

Даже либеральную систему надо создавать и поддерживать. Соответственно, приверженцы либеральных ценностей тоже заинтересованы в определенной степени контроля над общей ситуацией.

Идеалы и интересы. Одни отождествляют психологически комфортную жизнь со строгой регламентацией, другие видят больше выгод в свободе, отсутствии жестких рамок. Одним комфортнее когда ситуация предсказуема, когда у всех в головах одно и то же. Другим более естественной, безопасной и привлекательной представляется жизнь, где политический и социальный контроль сведены к минимуму. И те, и другие стремятся «отформатировать» общество соответствующим образом. Но помимо идей, у всех есть и более осязаемые интересы и устремления. Многие пытаются казаться кем-то, кем в действительности не являются, пользуются случаем, чтобы выстроить свою политическую идентичность, усилить влияние. Они выбирают позицию, которую считают для себя более выгодной, рассчитывая на максимальную поддержку. Вероятно, это не одно лишь лицемерие, и есть некоторое совпадение личных предпочтений, темперамента и публичных заявлений. Но, переходя в политическую плоскость, они перерастают в стратегию, которая преследует определенную цель.

Кроме того, в острой фазе конфликта люди начинают действовать уже не только и не столько в соответствии со своими убеждениями и планами, сколько в соответствии с инстинктами. Например, организаторы выставки, вероятно, открывали ее, исходя из определенного видения ее ценности, просветительских целей и т.п. Однако закрывали уже из куда более банальных опасений, заявив, что делают это потому, что хотят и дальше работать в Москве.

Основные инициаторы скандала также очень скоро стали наперебой, обвиняя друг друга, предлагать отличные от первоначальных версий его причин, последовательности событий и своей роли в них. А затем весь шум и вовсе утих. По-видимому, несмотря на общий «консервативный» тренд, «верхи» все-таки не очень поощряют «самодеятельность» слишком рьяных

«общественников».

Все это дает лишний повод задуматься о том, считать ли историю с выставкой Стерджеса и другие подобные скандалы проявлением реальных политических и культурных процессов, сдвигов и трансформацией, или это всего лишь псевдо-события, политические «подделки». Это отдельная большая тема – очень актуальная для понимания ситуации в России и ее перспектив.

В данном случае, мы ограничились размышлениями о том, почему тема морали и искусства так легко превращается в инструмент нагнетания политических страстей – подлинных или мнимых.